

Научная статья

УДК 811.133.1'103

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-258-124-138

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В АФОРИСТИКЕ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Райскина Валерия Александровна

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,
rayskinav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0610-6458>

Аннотация. Целью исследования является моделирование концептуально-ценностной системы автора эпохи Возрождения М. Монтеня в отношении человека, представленной в афоризмах, которые рассматриваются как тип прецедентного микро-текста. Теоретический подход к афоризму состоит в выявлении эпистемологического и аксиологического содержания в данных несвободных языковых единицах посредством анализа слов-концептов, выражающих философско-оценочную познавательную прагматику афоризма. Применяется корпусная методика анализа аутентичного текста, а также метод контент-анализа онлайн-базы данных цитат. Выявлено, что в афоризмах эпохи Возрождения выражена трансформация концептуальных и ценностных представлений о *человеке* и *бытии*, а также переход к новой антропоцентрической гуманистической парадигме, подчеркивающей ценность критического мышления, индивидуального разума и социокультурного разнообразия. В афористике М. Монтеня выявлены языковые средства эвалюативной концептуализации фигуры человека по таким направлениям, как человеческая природа, межличностное отношение, когнитивные способности, отношение к бытию, онтологические человеческие ценности. В результате исследования описаны средства трансляции концептуально-оценочной речевой деятельности автора, направленной на моделирование системы «человек – мир». Сделан вывод о том, что человек является концептуальным ядром ренессансной афористики, в которой формулируются витальные и для современного общества ответы на вопросы о смысле человеческого бытия.

Ключевые слова: афоризм, афористика, прецедентное высказывание, интертекстуальность, концепт человек, «Опыты», Мишель Монтень.

Для цитирования: Райскина, В. А. (2025). Концептуализация человека в афористике эпохи Возрождения. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(58), 124–138. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-258-124-138>

Original article

UDC 811.133.1'103

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-258-124-138

CONCEPTUALIZATION OF THE HUMAN
IN RENAISSANCE APHORISTICS

Valeriya A. Rayskina

Moscow City University,

Moscow, Russia,

rayskinav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0610-6458>

Abstract. The study aims to model the conceptual and value system of the Renaissance author M. Montaigne regarding *human*, represented in aphorisms, considered as a type of precedent microtext. The theoretical approach to the aphorism consists in revealing the epistemological and axiological content in these linguistic units through the analysis of words-concepts expressing the philosophical and evaluative cognitive pragmatics of the aphorism. The corpus method of analysing the authentic text, as well as the method of content analysis of data from online citation databases are applied. It is revealed that the Renaissance aphorisms express the transformation of concepts and values perceptions of *human* and *being*, as well as the transition to a new anthropocentric humanistic paradigm, emphasising the value of critical thinking, individual reflexion, and socio-cultural diversity. In M. Montaigne's aphorisms we have revealed the linguistic means of evaluative conceptualisation of the *human* in such directions, as human nature, interpersonal relations, cognitive abilities, attitude towards being, ontological human values. The result of the study is the description of the means of translation of the author's conceptual-evaluative discourse aimed at modeling the system «*human – world*». It is concluded that *human* is the conceptual nucleus of Renaissance aphoristics, which formulates vital for our modern society answers to questions about the meaning of human existence.

Keywords: aphorism, aphoristics, precedent phrase, intertextuality, concept *human*, «Essais»; Michel Montaigne.

For citation: Rayskina, V. A. (2025). Conceptualization of the Human in Renaissance Aphoristics. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(58), 124–138. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-258-124-138>

Введение

В современном дискурсивном пространстве фундаментальным принципом организации и продуцирования текстовой реальности является интертекстуальность, которая выступает основой для создания многомерных смыслов, разрывая пространственно-временные связи и объединяя различные культурные коды и контексты. Изучение вариативных форм реализации интертекстуальных связей позволяет выявить глубинные лингвокультурные и идейно-философские подтексты. Комплексный лингво-аксиологический анализ прецедентного высказывания как вида интертекста

представляется логическим расширением существующего в современных исследованиях подхода, разделяющего *интертекст* (термин Ю. Кристевой) — транслируемый код культуры, система ценностей материального и духовного характера (Кузьмина, 2011, с. 11) и *прецедентный текст* — «готовые интеллектуально-эмоциональные блоки... значимые для личности в познавательном и эмоциональном отношении» (Караулов, 2023, с. 216). Интертекст, выступая в качестве связи текстов двух эпох, поколений или культур, сопоставим, таким образом, с местом памяти (Bravin, 2019, p. 264). Так же и прецедентный текст направлен на сохранение продукта речемыслительной деятельности прошлого и его репродукцию в настоящем (Красных, 2002, с. 44). Прецедентное высказывание представляет собой средство вербализации культурно-исторического и лингвистического наследия (*cultural reference*) (Afanasjeva et al., 2020, p. 1099). Оба текстовых феномена носят сверхличностный характер, создавая эффект размытия автора (смерти автора в теории Р. Барта), однако дополнительными параметрами прецедентного текста являются узнаваемость, известность и рекуррентность в дискурсе носителей лингвокультуры.

Прецедентное высказывание рассматривается как базовая форма проявления интертекстуальности, для которой характерны лингвокультурная обусловленность, высокий когнитивный потенциал и яркая выраженность аксиологического компонента (Караулов, 2023; Черепанова, 2024; Иванов, 2020). Прагматика прецедентного высказывания состоит не только в репрезентации текстовой реальности прошлого, но и в передаче лингвокультурной информации, оценок и ценностей языковой личности, так как в нем отражается индивидуальная ответственность автора как коммуникативной личности (Викулова, 2016, с. 267).

Методология и материал исследования

Языковой единицей лингвоаксиологического исследования является *афоризм*, в определении которого необходимо применение триангуляционного подхода, т. е. учета дефиниционной вариативности по нескольким направлениям:

1) в *лингвистике текста* — устойчивое выражение, фразовый текст, средство вербализации общих суждений (Иванов, 2020, с. 661);

2) в *дискурсивной лингвистике* — краткие, глубокие по содержанию и законченные в смысловом отношении суждения, принадлежащие определенному автору (Карасик, 2023, с. 38); дискурсивная единица, фиксирующая в своей семантике знания и опыт бытия человека (Желтухина, Юй, 2014, с. 72);

3) в *философии и когнитивистике* — особая форма языка философии и способ философствования, лаконичная форма мысли, универсальная форма знания, которая отражает объективную реальность в метафорической форме (Дядык, 2021, с. 4);

4) в *литературоведении* — литературно-художественный малый жанр, для которого характерны глубина и оригинальность мысли автора, выразительность мысли, эстетическое совершенство, сочетание мудрости и красоты (Ольшанский, Мельникова, 2009, с. 65); автосемантические авторские высказывания, образующие особый жанр художественной литературы (Карасик, 2020, с. 36).

В многочисленных научных исследованиях формулируются дифференциальные признаки афоризма как прецедентного высказывания: краткость, углубляющая смысл афоризма, повышающая фактор запоминания и усиливающая прагматический эффект его употребления в речи (Ольшанский, Мельникова, 2009, с. 65); художественная пуантированность высказывания, глубина/имплицитность, вневременность, претензия на истинность (Авдеева и Водоватова, 2017, с. 128). В зарубежных публикациях подчеркивается преобладание универсальности значения над оригинальностью (Noguez, 2015, р. 94); идиоматичность, несводимость значения афоризма к сумме его элементов (Nazmiye, 2016, р. 206); вневременное значение (Silvester, 2004, р. 102). Терминологическая нерешенность в трудах по афористике очевидна ввиду широкой синонимии, присутствующей в опубликованных исследованиях. В частности, афоризм представлен генерализующим термином для следующих текстовых единиц: *максима, цитата, крылатая фраза, поговорка, паремия, концептуальная метафора, изречение, фразеологизм, идиома, притча, аллегория, народная мудрость, генерализация, обобщающее высказывание, aphorisme, citation choisie, adage, maxime, proverbe, sentence, dicton, truisme, devise* и т. д. Ввиду этого полагаем возможным предложить трактовку афоризма как терминоида, т. е. лексемы без закрепленной дефиниции, обозначающей неоднозначно понимаемые понятия (Гринев-Гриневиц и др., 2022, с. 722). Уточним, таким образом, что в рамках исследования афоризм принимается за вид прецедентного микротекста, для которого характерны наличие автора, идиоматичность, паспортизация, сочетание рационального (гносеологического) и эмоционального (аксиологического) содержания. Поскольку общая прагматическая ориентация афоризма как результата философско-оценочной познавательной деятельности направлена на концептуализацию связи «человек – мир» (Дядык, 2021, с. 4–5), для анализа выбраны афоризмы, используемые в рефлексивном дискурсе философа эпохи Возрождения М. Монтеня.

Ренессансная афористика является зеркалом трансформационных процессов в области культуры и мышления, которые отражают переход к новой гуманистической антропоцентрической парадигме. Прагматика афористического жанра в эпоху Возрождения связана с потребностью в распространении гуманистического мировидения с подчеркнутой ценностью индивидуального разума. Мастерами афористического стиля XIV–XVI веков признаны Эразм Роттердамский («*Moriae Encomium, sive Stultitiae Laus*» / «Похвала глупости»), Томас Мор («*Utopia*»/«Утопия»), Никколо Макиавелли («*Il Principe*»/

«Государь»), Бальдассаре Кастильоне («Cortegiano»/«Придворный»), Мишель Монтень («Les Essais» / «Опыты»).

Материальная база исследования включает в себя 246 афоризмов М. Монтеня, содержащихся в двух базах:

- корпус MONtaigne à L'Œuvre / Montaigne at work (MonLOE¹), предоставляющий доступ к цифровой версии рукописей 1588 года Мишеля Монтеня, которые снабжены инструментами автоматического поиска;
- сайты франкоязычных открытых библиотек цитат, афоризмов и крылатых выражений: LE FIGARO SCOPE², ABC-CITATIONS³ и др.

С позиции применяемой методологии для подбора единиц исследования ключевую роль играет метод корпусного анализа с использованием автоматизированного поиска в корпусе MonLOE. Ввиду того что предметом анализа выступают средства концептуализации универсума человека, для поиска контекстов использованы запросы вида *homme**. На следующем этапе применяется метод лингвоаксиологического анализа, который позволяет изучить языковые единицы с точки зрения потенциала трансляции значимых для автора концептов и ценностей. Цель данного анализа — выявление и систематизация ключевых концептов и ассоциированных с ними ценностных коннотаций, воплощенных в авторских афоризмах.

Результаты исследования

Концептуализация, т. е. воспроизведение ключевых концептов, известных представителям лингвокультуры и определяющих их картину мира, и наличие в смысловом ядре афоризма слов-концептов являются базовыми признаками афоризма (Иванов, 2020, с. 664; Авдеева, Водоватова, 2017, с. 130). Среди таких слов-концептов, соотносимых с универсумом человека, отмечены следующие:

- человеческая природа: *humaine condition, variété, souplesse, passion, sincérité, colère, vanité, médiocrité, insécurité, opinion* (человеческое поведение, разнообразие, гибкость, страсти, искренность, гнев, тщеславие, посредственность, неуверенность, субъективность восприятия);
- отношение к человеку: *communication, relation, autre, différence, barbarie* (общение, отношения, другой, различие, варварство);
- когнитивные способности: *savoir, sagesse* (знание, мудрость);
- отношение к бытию: *mourir, vivre, mort, vie* (жить, умирать, смерть, жизнь);
- ценности: *liberté* (свобода).

¹ MonLOE: сайт. URL: www.lib.uchicago.edu/efts/ARTFL/projects/montaigne/

² Le figaro Scope: сайт. URL: evene.lefigaro.fr/

³ Abc-citations: сайт. URL: www.abc-citations.com/

Рефлексия об устойчивых элементах человеческой природы отражает общекультурный ренессансный контур, в котором онтологическим вопросом выступает *l'humaine condition* (человеческая природа). Энциклопедическая доминанта стиля Монтеня проявляется в тенденции к классификации и типологизации черт характера, универсальных для представителя человеческого вида. Мелиоративно маркируются такие характеристики, как гибкость, подвижность (*les plus belles âmes sont celles qui ont plus de variété et de souplesse*) (лучшие души — те, в которых больше гибкости и разнообразия); разнообразие и многогранность (*il n'est description si hardie ni si incroyable aussi, qui ne se rencontre dans les coutumes d'un peuple quelconque*) (нет такого смелого или невероятного поведения, которое не встречалось бы в обычаях какого-либо народа); уникальность и неповторимость (*nous sommes tous de lopins, et d'une texture si informe et diverse, que chaque pièce, chaque moment fait son jeu*) (мы все лишены цельности и скроены из отдельных клочков, каждый из которых в каждый данный момент играет свою роль). Непостоянство и изменчивость выступают паттернами человеческого поведения, которому присуща эволюция суждений и убеждений в течение жизни (*il n'est rien si dissemblable à moi-même que moi-même d'un autre temps*) (нет ничего столь непохожего на меня, чем я прежний). Выявлен афоризм, аккумулирующий авторскую дефиницию человека как создания чрезвычайно изменчивого и непостоянного (*c'est un sujet merveilleusement vain, divers et ondoyant que l'homme*) (изумительно суетное, поистине непостоянное и вечно колеблющееся существо — человек).

Гуманистические идеалы Монтеня выстраиваются на признании естественными пороков человеческой души, среди которых наиболее ярко представлены гнев (*il n'est passion qui ébranle tant la sincérité des jugements comme la colère*) (ни одна страсть не помрачает в такой мере ясность суждения, как гнев), высокомерие (*la présomption est notre maladie naturelle et originelle*) (самоуверенность — наша прирожденная и естественная болезнь), тщеславие (*la plus universelle qualité de l'homme est la vanité, la vanité est un défaut que l'on trouve toujours chez ceux qui sont préoccupés de leur gloire*) (самое универсальное качество человека — тщеславие, тщеславие — недостаток, всегда присущий тем, кто озабочен собственной славой), гордыня (*c'est une preuve de médiocrité de louer constamment soi-même*) (постоянно хвалить себя — признак посредственности). В портретировании человека своей эпохи автор высвечивает центральные антропологические недостатки: неразумность (*l'homme est bien insensé*) (человек крайне неразумен), неуверенность (*le plus grand vice de l'homme est l'insécurité*) (главный порок человека — неуверенность в себе), подчиненность эмоциям (*c'est le jouir et non le posséder qui nous rend heureux*) (не владение чем-либо, а наслаждение делает нас счастливыми) и, наконец, приоритет мнения и суждения о вещах над пониманием их сущности (*les hommes sont tourmentés par les opinions qu'ils ont des choses, non par les choses mêmes*) (людей мучают не самые вещи, а представления, которые они создали себе о них). Монтеневский человек соотносится с фигурой зверя, которого

следует бояться (*il n'y a point de bête au monde tant à craindre à l'homme que l'homme*) (нет зверя на свете страшнее для человека, чем человек), так как зло является естественным элементом человеческой природы (*ne cherchons pas hors de nous notre mal, il est chez nous, il est planté en nos entrailles*) (не будем искать причину зла вне нас, оно сидит в нас, в самом нашем нутре). Антропологическая рефлексия Монтеня дополняется афоризмами, в центре которых находится фигура женщины и которые транслируют общекультурные социальные представления о женщинах. Очевидна пейоративная доминанта женского морального портрета, элементами которого выступает неискренность (*les femmes rougissent d'entendre nommer ce qu'elles ne craignent aucunement à faire*) (женщины краснеют, услышав название того, что они не боятся делать).

Афористика Монтеня направлена на формирование образа скромного и смиренного человека, осознающего одновременно свою изменчивую идентичность и культурную уникальность. Ключевой чертой, определяющей модельное человеческое поведение, автор считает познание индивидуальности. В знаменитом афоризме *chaque homme porte en lui la forme entière de l'humaine condition* (у каждого человека есть все, что свойственно всему роду людскому) ключом к пониманию жизни выступает глубинное осознание собственного Я, так как саморефлексия отражает универсальное мироустройство. Транслируются философские и моральные максимы автора в отношении слова и дела: открыто говорить обо всем, что осмеливаешься делать и обдумывать (*je me suis ordonné d'oser dire tout ce que j'ose faire; c'est une belle harmonie quand le faire et le dire vont ensemble*) (это прекрасно, когда слово не расходится с делом, и я не буду отрицать, что, когда словам соответствуют дела, слова более вески и убедительны). В заключительной главе «Essais» формируется онтологическая максима, транслирующая ключевое правило добродетельной и счастливой жизни — уметь прожить ее хорошо и в соответствии с естественными законами (*bien et naturellement savoir vivre cette vie*).

Отношение между людьми считается бытийным вопросом, проходящим красной нитью через «Essais». Взаимодействие между людьми показано как диалогическая коммуникация (*la parole est moitié à celui qui parle, moitié à celui qui l'écoute*) (произнесенные слова принадлежат наполовину говорящему, наполовину слушающему) и как диалектический процесс, в котором выгода одной стороны оплачивается потерей другой (*le profit de l'un est le dommage de l'autre*) (выгода одного — ущерб для другого). В отношениях с людьми Монтень ищет общения (*l'amitié se nourrit de communication*) (дружба питается общением), познания и внимания к новой точке зрения (*quand on me contrarie, on éveille mon attention, non pas ma colère*) (тот, кто возражает мне, пробуждает у меня не гнев, а внимание).

Определяющим в человеческих взаимоотношениях представляется различие людей и уникальность каждой личности (*il se trouve plus de différence de tel homme à tel homme que de tel animal à tel homme*) (иной человек отличается от другого больше, чем животное от человека). Ввиду того, что между людьми

гораздо больше различий, чем сходств (*j'admets en nous plus facilement la différence que la ressemblance*) (мне легче увидеть разницу между нами, чем сходство), Монтень предписывает не судить о других по своим собственным чертам и убеждениям (*je ne partage point cette erreur commune de juger d'un autre d'après ce que je suis*) (я не разделяю всеобщего заблуждения, состоящего в том, чтобы мерить всех на свой аршин). На индивидуальности и многообразии человеческих убеждений и традиций зиждется сложность взаимоотношений между людьми. Современник Монтеня склонен характеризовать как *barbarie* (варварство) все, что не соответствует привычной картине мира и культурным основам (*chacun appelle barbarie ce qui n'est pas de son usage*) (если только не считать варварством то, что нам непривычно). Однако автор подчеркивает ошибочность такого подхода и критикует тенденцию судить об иных культурах и традициях по нормам собственной страны.

Философский потенциал афоризма как малого жанра ярко раскрывается в высказываниях, концептуализирующих и оценивающих когнитивные способности человека. Подход Монтеня к познанию прагматичен: настоящая мудрость проявляется в умении жить правильно, добродетельно и счастливо (*il n'est pas de bonne philosophie que celle qui se peint dans les vies*) (нет лучшей философии, чем та, что нарисована жизнью). Происходит переоценка средневекового схоластического подхода к обучению, основанного на заучивании теоретических и исторических данных. Напротив, пространные теоретические размышления и философские рассуждения бессмысленны и бесполезны, если они не имеют приложения в практической повседневной жизни. В метафорическом афоризме *j'aime mieux forger mon âme que la meubler* (я предпочитаю самостоятельно ковать себе душу, а не украшать ее позаимствованным добром) автор указывает, что знание нужно выковывать из опыта и практического исследования, а не украшать его многократным пересказыванием мыслей деятелей прошлого. Умение строить собственное критическое размышление оценивается выше, чем накопление готового знания (*mieux vaut une tête bien faite qu'une tête bien pleine*) (человек скорее с ясной, чем с напичканной науками головой). Автор считает валидными интроспективные методы познания, основанные на наблюдении (*je ne comprends pas, je m'examine*) (я не понимаю, я изучаю себя) и критическом измерении (*ce n'est pas assez de compter les expériences, il faut les peser et les assortir*) (недостаточно накопить опыт, надо его взвесить и обсудить, надо его переварить и обдумать).

При этом мудрость, наряду с добродетелью, выступает прагматическим результатом жизнедеятельности человека (*le gain de notre étude, c'est d'en être devenu meilleur et plus sage*) (результат нашей учености в том, чтобы стать лучше и мудрее). Апогеем афористики Монтеня можно назвать девиз «Que sais-je?» (что я знаю?), ставший прецедентным текстом французской лингвокультуры. Философ-скептик признает невозможность абсолютного человеческого познания и ставит во главу угла принцип сомнения (*incertitude*) (неуверенность).

Бытийные концепты *vie* (жизнь) и *mort* (смерть) широко представлены в корпусе афоризмов Монтеня ввиду того, что движущим механизмом философско-литературной деятельности автора стал поиск путей прожить добродетельную жизнь и примириться со смертью. Жизнь воспринимается Монтенем как род деятельности, в котором необходимо стать искусным мастером (*mon métier et mon art, c'est vivre*) (жить — вот мое занятие и мое искусство). Модель жизни добродетельного человека строится на довольствовании обычным, правильным и общепринятым, он не стремится прожить жизнь уникальную или запоминающуюся (*les plus belles vies sont, à mon gré, celles qui se rangent au modèle commun et humain, avec ordre, mais sans miracle et sans extravagance*) (самой, на мой взгляд, прекрасной жизнью живут те люди, которые равняются по общечеловеческой мерке, в духе разума, но без всяких чудес и необычайностей). Таким образом, жизнь воспринимается не как результат, а как переходный процесс (*je ne peints pas l'estre, je peints le passage*) (я не в силах закрепить изображаемый мною предмет, я рисую его в движении).

Отношение Монтеня к смерти противоречиво, однако данный онтологический концепт занимает основополагающее место в рефлексии автора. В афоризмах транслируется идея о смерти как об обязательном условии существования самой жизни (*qui apprendrait les hommes à mourir, leur apprendrait à vivre*) (кто научит людей умирать, научит их жить). Сама жизнь есть для Монтеня лишь путь, который приближает человека к смерти (*tous les jours vont à la mort : le dernier y arrive*) (все дни твоей жизни ведут тебя к смерти; последний только подводит к ней); жизнь становится причиной смерти как естественной смены состояния (*tu ne meurs pas de ce que tu es malade ; tu meurs de ce que tu es vivant*) (вы умираете не потому, что больны; вы умираете потому, что живы). Важно отметить пессимистичный вывод философа о том, что никто из живущих не знает, как нужно жить, и это знание мы получаем лишь в конце своего существования (*on nous apprend à vivre quand la vie est passée*) (нас учат жить, когда жизнь уже прошла).

Философ с легкостью относится как к жизни, так и к смерти, воспринимая их неотвратимость и оценивая смерть с религиозной позиции освобождения: смерть избавляет человека от принуждения и подчинения (*le savoir mourir nous affranchit de toute subjection et contrainte*) (готовность умереть избавляет нас от всякого подчинения и принуждения). Им дана переоценка смерти с позиции отрицания ужаса ее неотвратимости и признания ее способом освобождения от мирских тревог, страданий и забот (*cette mort que les uns appellent des choses horribles la plus horrible, qui ne sait que d'autres la nomment l'unique port des tourments de cette vie?*) (та самая смерть, которую одни зовут ужаснейшей из всех ужасных вещей, для других — единственное прибежище от тревог здешней жизни). Конструируется ассоциативная связь *mort = liberté* (*la préméditation de la mort est préméditation de la liberté*) (размышлять о смерти — значит размышлять о свободе).

Напротив, в концептосферу *смерть* попадает концепт *souffrance* (мучение), что объясняется жизненными обстоятельствами автора: в течение долгих лет Монтень страдал от тяжелой болезни, и работа над «Essai» стала для него средством побега от физических страданий. Таким образом, восприятие страдания носит крайне личный характер, выражает всеобъемлющий страх и наивысшее наказание (*tout ce qui est au-delà de la mort simple, me semble pure cruauté, et notamment à nous qui devrions avoir respect d'envoyer les âmes en bon état, ce qui ne se peut, les ayant agitées et désespérées par tourments insupportables*) (всякое дополнительное наказание сверх обыкновенной смерти даже по закону есть, по-моему, чистейшая жестокость; это особенно относится к нам, христианам, которые должны заботиться о том, чтобы души отправлялись на тот свет успокоенными, что невозможно, если их измучили и истерзали невыносимыми пытками). Психологизм монтеневской афористики проявляется в том, что, говоря о страдании, автор предписывает читателю, и в первую очередь самому себе, не бояться боли (*qui craint de souffrir, il souffre déjà ce qu'il craint*) (кто боится страданий, тот страдает уже от своей боязни). Афоризм *je veux que la mort me trouve plantant mes choux, mais nonchalant d'elle, et encore plus de mon jardin imparfait* (я хочу, чтобы смерть застигла меня за посадкой капусты, но я желаю сохранить полное равнодушие и к ней, и тем более к моему не до конца возделанному огороду) иллюстрирует принятие смертности и понимание жизни как естественного повседневного процесса. Автор сравнивает жизнь с несовершенным садом, а действия, совершаемые на жизненном пути, предлагает воспринимать со здоровым равнодушием и простотой.

Будучи примером биографической жанровой формы, произведение «Essais» через афоризмы отражает аксиологическую систему Монтеня, которая строится на антропологических ценностях. Поиск по коллокациям в корпусе MonLOE позволил выявить лексемы, вербализующие наиболее частотные ценности в отношении человека, его сущности и существования (см. рис.).

В то же время обнаруживается количественное несоответствие между частотностью вербализующих человеческие ценности лексем в корпусе «Essais» и количеством афоризмов, посвященных данной тематике. Абсолютной человеческой ценностью для Монтеня является свобода (*liberté*). Вокруг данного концепта выстраиваются афоризмы, в которых автор выражает свою позицию относительно человеческой свободы как власти над самим собой, своими мыслями, выборами и поступками (*la vraie liberté est de pouvoir toute chose sur soi*) (подлинная свобода состоит в том, чтобы иметь над собою полную власть). Свобода напрямую связана с самопознанием и способностью оставаться собой. Умение быть собой, знать свои желания и страхи гиперболически оценивается как величайшая вещь в мире (*la plus grande chose du monde, c'est de savoir être à soi*) (величайшая в мире вещь — уметь быть самим собой).

Классические андроцентрические ценности Средневековья — мужество и честь — также становятся ядром афоризмов, в которых транслируется авторское переосмысление данных аксиологических категорий. Храбрость

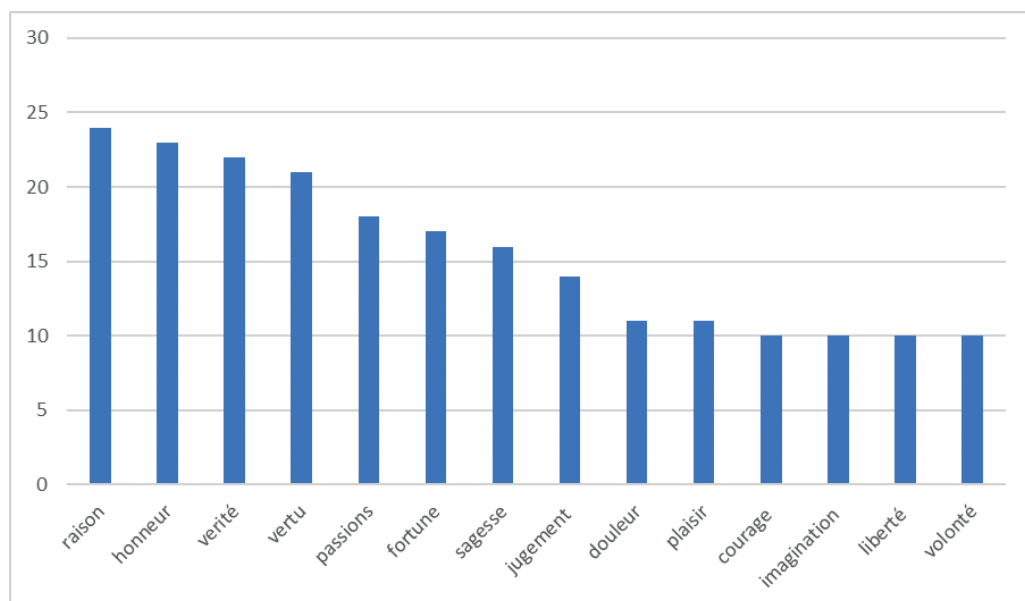

Рис. Частотность лексем семантического поля «ценности»

Fig. Frequency of tokens of the semantic field «values»

не индивидуальна, а заразительна (*le courage est contagieux. Il suffit qu'un homme en fasse montre pour que d'autres relèvent la tête*) (мужество заразительно. Достаточно проявить его одному человеку, чтобы другие подняли головы); человеку свойственно ощущать прилив отваги в обществе людей, проявляющих самоотверженность. Чувство доблести в постфеодальной картине мира связывается не с физической силой или военным превосходством, а с храбростью духа (*la vaillance, c'est la fermeté non pas des jambes et des bras, mais du courage et de l'âme*) (доблесть есть сила не наших рук или ног, но мужества и души). Типичной абсолютной ценностью эпохи Ренессанса выступает истина, гарантирующая счастливую жизнь (*c'est le seul bonheur en vérité*) (счастье — в правде) и служащая движущим механизмом всего человеческого бытия (*nous sommes nés à quêter la vérité*) (мы рождены, чтобы искать истину). В итоге гуманистическим идеалом признан онтологический ценностно маркированный концепт *vertu* (добродетель). Монтень предпринимает попытки лингвистической дефиниции данного понятия, сравнивая добродетель с добротой — чувством, по мнению автора, менее благородным (*la vertu est chose autre et plus noble que les inclinaisons à la bonté qui naissent en nous*) (добродетель есть нечто иное и более благородное, чем проявляющаяся в нас склонность к добру), а также противопоставляя добродетель более легкомысленному и пустому чувству величия и славы (*la vertu est chose bien vaine et frivole si elle tire sa recommandation de la gloire*) (добродетель — тщеславная и легкомысленная вещь, если она черпает себя из славы). Добродетель мыслится как самодостаточная высшая ценность человеческого бытия и абсолютная цель жизни

человека как гуманистического идеала Монтеня (*la vertu ne veut être suivie que pour elle-même*) (добродетель требует, чтобы ее соблюдали ради нее самой).

Заключение

Афористический жанр эпохи Ренессанса выступает продуктивным материалом для проведения комплексного лингвоаксиологического анализа ввиду того, что афоризмы как прецедентные тексты направлены на трансляцию концептуальной и оценочной речемыслительной деятельности авторов прошлого. В философских афоризмах Мишеля Монтеня в сжатой форме вербализуется гносеологическое и аксиологическое содержание, что позволяет смоделировать систему суждений и оценок автора в отношении человеческого бытия и связи «человек – мир».

В афоризмах Монтеня концептуализованы представления автора о природе и поведении человека, об особенностях взаимоотношений между людьми, о когнитивных способностях человека, об отношении к бытию и о базовых ценностях эпохи. Рефлексия об этих элементах бытия человека отражает картину мира эпохи ренессансного гуманизма. Афоризмы, концептуальным ядром которых выступает человек, описывают не только мироощущение, свойственное XVI веку, но и являются валидными для современной картины мира, в которой важное место продолжают занимать онтологические вопросы о смысле человеческого бытия. Монтеневский человек выступает модельной личностью настоящего, в нем как в зеркале отражены витальные для современного общества качества: критическое мышление, интроспекция, принятие культурного разнообразия и валоризация индивидуальной рефлексии.

Список источников

1. Кузьмина, Н. А. (2011). Интертекстуальность и прецедентность как базовые когнитивные категории медиадискурса. *Медиаскоп*, 1, 10.
2. Караулов, Ю. Н. (2023). *Русский язык и языковая личность*. Ленанд.
3. Bravin, A. (2019). Le forme dell'intertestualità: dalla citazione all'allusione. *Studi slavistici*, 261–276.
4. Красных, В. В. (2002). *Этнопсихолингвистика и лингвокультурология*. Курс лекций. Гнозис.
5. Afanasjeva, O. V., Baranova, K. M., & Chupryna, O. G. (2020). Precedent phenomena as symbols of cultural identity in ya fiction. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences: Conference proceedings, Vol. 95*. European Publisher. <https://www.doi.org/10.15405/epsbs.2020.11.03.116>
6. Черепанова, Л. В. (2024). Прецедентные тексты в обучении русскому языку: возможное решение проблемы. *Известия Южного федерального университета. Филологические науки*, 28(1), 163–173. <https://www.doi.org/10.18522/1995-0640-2024-1-163-173>

7. Иванов, Е. Е. (2020). Афоризм как объект лингвистики: основные признаки. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*, 11(4), 659–706. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706>
8. Викулова, Л. Г. (2016). Французский литератор XVII века: энциклопедическая доминация, лингвистическая компетенция, коммуникативное лидерство. *Древняя и Новая Романия*, 17, 266–278.
9. Карасик, В. И. (2023). Осмысление мирной жизни в паремиологии и афористике. *Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение* (с. 37–42). Сборник научных трудов VII Международной научно-практической конференции. Картуш.
10. Желтухина, М. Р., & Юй, Б. (2014). Критерии дифференциации афоризмов, отражающих нормы коммуникативного поведения. *Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика*, 2, 72–80.
11. Дядык, Н. Г. (2021). *Философский анализ афоризма как семиотической системы*. Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет.
12. Ольшанский, И. Г., & Мельникова, О. В. (2009). Афористика как объект филологических исследований. *Вестник Московского государственного лингвистического университета*, 559, 63–81.
13. Карасик, В. И. (2020). Оценка человека в афоризмах Франсуа де Ларошфуко. *Романские языки в эпоху глобализации: современные вызовы и самоидентификация* (с. 36–43). Сборник материалов участников Международной научной онлайн-конференции. Волгоградская государственная академия последипломного образования.
14. Авдеева, А. С., & Водоватова, Т. Е. (2017). Афоризм: понятие, лингвистический статус, структурно-содержательная специфика. *Вестник Международного института рынка*, 2, 127–134.
15. Noguez, D. (2015). *Pensées Bleues: aphorismes. Bref traité de l'aphorisme*. Equateurs.
16. Nazmiye, T. T. (2016). Caracteristiques des proverbes relatifs à la femme en français et en turc. *Hacettepe Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Dergisi*, 203–216.
17. Silvester, R. (2004). Aphorismes et leurs potentiels dans Le Dit de Tianyi de François Cheng : approche stylistique. *Dalhousie French Studies*, 101–108.
18. Гринев-Гриневиц, С. В., Сорокина, Э. А., & Молчанова, М. А. (2022). Еще раз к вопросу об определении термина. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*, 13(3), 710–729. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-710-729>
19. MonLOE. *The Montaigne Project*. (2024). <https://www.lib.uchicago.edu/efts/ARTFL/projects/montaigne/>
20. *Le figaro Scope*. (2024). <http://evene.lefigaro.fr/citations/montaigne>
21. *Abc-citations*. (2023). <https://www.abc-citations.com/auteurs/montaigne/page/1/>

References

1. Kuzmina, N. A. (2011). Intertextuality and precedent as a basic cognitive categories of media discourse. *Mediascope*, 1, 10. (In Russ.).
2. Karaulov, Y. N. (2023). *Russian language and linguistic personality*. Lenand. (In Russ.).

3. Bravin, A. (2019). Le forme dell'intertestualità: dalla citazione all'allusione. *Studi slavistici*, 261–276.
4. Krasnykh, V. V. (2002). *Ethnopsycholinguistics and linguoculturology*. Course of lectures. Gnosis. (In Russ.).
5. Afanasjeva, O. V., Baranova, K. M., & Chupryna, O. G. (2020). Precedent phenomena as symbols of cultural identity in ya fiction. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences: Conference proceedings, Vol. 95*. European Publisher. <https://www.doi.org/10.15405/epsbs.2020.11.03.116>
6. Cherepanova, L. V. (2024). Problem of precedent texts in teaching the Russian language: potential solution. *Proceedings of Southern Federal University. Philology*, 28(1), 163–173. <https://www.doi.org/10.18522/1995-0640-2024-1-163-173> (In Russ.).
7. Ivanov, E. E. (2020). Aphorism as an object of linguistics: the main properties. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(4), 659–706. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706> (In Russ.).
8. Vikulova, L. G. (2016). The writer in the French society of the 17th century: encyclopedic domination, language competence, communicative leadership. *Drevnyaya i Novaya Romaniya*, 17, 266–278. (In Russ.).
9. Karasik, V. I. (2023). Conceptualization of Peace in Proverbs and Aphorisms. *Language. Culture. Communication: learning and teaching* (p. 37–42). Collection of scientific papers of the VII International Scientific and Practical Conference. Kartush. (In Russ.).
10. Zheltukhina, M. R., & Yui, B. (2014). Aphorisms' differentiation criteria reflecting communicative behaviour norms. *Vestnik CzMO MGU. Filologiya. Kul'turologiya. Pedagogika. Metodika*, 2, 72–80. (In Russ.).
11. Diadyk, N. G. (2021). *Philosophical analysis of aphorism as a semiotic system*. South Ural State Humanitarian and Pedagogical University. (In Russ.).
12. Olshanskyi, I. G., & Melnikova, O. V. (2009). A philological study of aphorisms. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 559, 63–81. (In Russ.).
13. Karasik, V. I. (2020). Evaluation of man in aphorisms by François de la Rochefoucauld. *Romance languages in the period of globalisation: modern challenges and self-identification* (p. 36–43). Proceedings of the international scientific online conference. *Volgograd State Academy of Postgraduate Education*. (In Russ.).
14. Avdeeva, A. S., & Vodovatova, T. E. (2017). Aphorisms: concept, linguistic status, structural and semantic properties. *Vestnik Mezhdunarodnogo instituta ry'nka*, 2, 127–134. (In Russ.).
15. Noguez, D. (2015). *Pensées Bleues: aphorismes. Bref traité de l'aphorisme*. Equateurs.
16. Nazmiye, T. T. (2016). Caractéristiques des proverbes relatifs à la femme en français et en turc. *Hacettepe Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Dergisi*, 203–216.
17. Silvester, R. (2004). Aphorismes et leurs potentiels dans Le Dit de Tianyi de François Cheng : approche stylistique. *Dalhousie French Studies*, 101–108.
18. Grinev-Griniewicz, S. V., Sorokina, E. A., & Molchanova, M. M. (2022). Reconsidering the definition of the term. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(3), 710–729. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-710-729> (In Russ.).
19. MonLOE. *The Montaigne Project*. (2024). <https://www.lib.uchicago.edu/efts/ARTFL/projects/montaigne/>
20. *Le figaro Scope*. (2024). <http://evene.lefigaro.fr/citations/montaigne>
21. *Abc-citations*. (2023). <https://www.abc-citations.com/auteurs/montaigne/page/1/>

Информация об авторе / Information about the author

Валерия Александровна Райскина — кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков и лингводидактики Института иностранных языков МГПУ.

Valeriya A. Rayskina — PhD (Philology), Docent, Associate Professor of Department of Romance Languages and Linguistic Didactics, Institute of Foreign Languages, MCU.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.